ALEKSANDROV'S SPACE

КОСМОС АЛЕКСАНДРОВА

Maksim N. FALILEEV,
Press Office Specialist, the Museum of
Cosmonautics, Russia, Moscow,
moojaa@mail.ru

Максим Николаевич ФАЛИЛЕЕВ,
специалист пресс-службы Мемориального
музея космонавтики, Москва, Россия,
moojaa@mail.ru

*The material was prepared with the assistance of
the Museum of Cosmonautics press office*

*Материал подготовлен при содействии
пресс-службы Музея космонавтики*

ABSTRACT I Aleksandr Pavlovich Aleksandrov has worked in space sphere from 1963. He organized training activity on the lunar manned spacecraft simulator L1, took part in Soyuz spacecraft and Salyut orbital station full-scale development, developed training methods for cosmonauts, trained cosmonaut crews.

Aleksandrov spent 309 days in space. What is more, during the flight he managed to prepare materials for “Disorbit” feature film. Now Aleksandrov continues to work in S.P. Korolev RSC “Energia”, he works as a teacher as well. The pilot-cosmonaut, twice Hero of the Soviet Union was interviewed by the ASJ permanent correspondent.

Keywords: *jet propulsion study group, Korolev, Rauschenbach, Gagarin, Salyut space station*

АННОТАЦИЯ I Александр Павлович Александров в космической отрасли с 1963 года. Занимался проведением тренировок на тренажере облетного лунного корабля Л1, участвовал в летно-конструкторских испытаниях космического корабля «Союз» и орбитальной станции «Салют», занимался разработкой методик тренировки космонавтов для полетов, проводил тренировки экипажей.

За плечами Александрова 309 суток в космосе, причем за время полета он успел снять материал для художественного фильма «Возвращение с орбиты». Сейчас Александров продолжает работать в Ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С.П. Королёва, занимается преподавательской деятельностью. С летчиком-космонавтом, дважды Героем Советского Союза побеседовал постоянный корреспондент журнала ВКС.

Ключевые слова: *ГИРД – группа изучения реактивного движения, Королёв, Раушенбах, Гагарин, космическая станция «Салют»*

— Вы потомственный ракетчик — ваши родители работали еще у Сергея Павловича Королёва в ГИРДе. Расскажите, а как вы пришли в профессию?

— Я хорошо помню разговоры родителей и друзей, которых всегда было много в нашем доме, о том, чем они занимаются на работе. А занимались они как раз ракетами — это были те самые 1930-е, когда зарождалось отечественное ракетостроение, начиная с первых опытов Фридриха Цандера и заканчивая группой изучения реактивного движения (ГИРД), которую возглавлял Сергей Павлович Королёв. Сначала в ГИРД как механик пришел мой отец, он был мастером по машинным механизмам и имел, кроме того, военное образование. А мама присоединилась по окончании курсов чертежников — ее заинтересовали сообщения о новой технике, которая будет летать на новых двигателях.

И эти разговоры сыграли главную роль в моем интересе и вообще к технике, и к той, что должна летать. А поскольку «живой» ракетной техники я тогда еще не мог видеть, я занялся самым близким к этому делом — авиамоделизмом. Начал с планеров и закончил свой курс кордовой моделью, летающей с простым пилотажем. Схемы подсмотрел в журнале «Моделист-конструктор», купил в магазине компрессионный двигатель, который заправлялся смесью керосина, эфира и касторового масла. Было необыкновенно интересно. И уже потом, когда стало известно о ракетах, я тоже сделал свою, водонапорную. В «Технике — молодежи» увидел: ракета, которая струей воздуха поднимается вверх. Сейчас, конечно, это воспринимается как аттракцион.

Авиация меня влекла. С 14 лет и до окончания школы я мечтал стать летчиком, как, наверное,

почти все мальчишки в наше время. Но так случилось, что когда я получил аттестат — в начале 1960-х — летные училища стали одно за другим закрываться. Это была инициатива Никиты Сергеевича Хрущева — сосредоточиться на ракетах, а авиацию прикрыть. Так что в летное училище попасть не удалось, и я поступил в Серпуховское авиатехническое. Там моя специальность несколько расширилась — я попал на факультет радиоприборов.

— Родители вас, надо думать, поддержали?

— Родители, кстати, были против. (Смеется.) Никто из них не хотел для меня этой дороги — они не видели на ней перспективы. Наверное, правильнее было бы пойти в МАИ или МВТУ, выучиться на инженера... Но у меня было желание поскорее заняться практикой. Жгучее желание, хотя и не совсем правильное.

Армия мне очень помогла с самодисциплиной. Пришло понимание того, что любой ценой удовлетворить сиюминутное желание, например прыгнуть с парашютом, — это неверный путь. И родители мне эту мысль внушали, но я в то время их не воспринимал. Тогда они согласились, проявив взрослую мудрость, и сказали: «Поступай так, как считаешь нужным».

Но жизнь повернула иначе — Серпуховское училище перевели в состав ракетных войск (РВСН) и сделали его высшим. Я продолжил учебу, понимая — все-таки не то. Дальше передо мной был путь в военную часть, что, безусловно, тоже почетно — служить в ракетных войсках. Но я не видел там творчества. Это заставило меня обратиться к командованию, чтобы меня отпустили в армию — и меня отпустили.

— 12 апреля 1961 года вы встретили в Серпухове в военно-техническом училище. Было ли на вашей памяти что-то подобное по всеобщему воодушевлению, по испытываемым эмоциям?

— Этот день я запомнил очень хорошо. Включили громкоговоритель, и Левитан объявил, что наш человек в космосе! И все-таки было не так, как в Москве и других крупных городах, где новость сразу вызвала стихийные демонстрации и ликования. У нас шел обычный рабочий

день — ракетная часть, служба... Естественно, собирались кучками, обсуждали, смотрели на реакцию старших офицеров. Один из них был озадачен — для него, опытного летчика, это было чрезвычайное дело. Так и сказал: «Хорошо, если он вернется». А мы были настолько зеленые, что даже этого не поняли.

Дело в том, что, когда я приезжал на побывку домой, отец мне кое-что рассказывал — он ведь работал у Королёва. И в 1957 году, когда должны были запустить спутник, он сказал: «Вот ты не ходишь на работу, а брат твой — в сборочном цехе. И знаешь, Толя подошел сегодня и постучал пальцем по спутнику...» По тому самому первому спутнику. Позже в этом же цехе собирали первые космические корабли. Такие секреты мне в семье открывали... Уйдя в армию, я от этой информации оказался отрезан и дома в том году побывать еще не успел. И конечно, тогда я не подозревал, что человек может отправиться в космический полет.

— «Когда я прилетел обратно, обнаружил, что забыл номер домашнего телефона. Я пробыл почти полгода в первом полете». Какие еще воспоминания оставил космос? Снятся ли вам станция, Байконур?

— Намного позже, когда я подал заявление в космонавты и Сергей Павлович Королёв его подписал, меня часто спрашивали: «Пример Юрия Гагарина повлиял на вас?» И я всегда говорил, что нет. Потому что понимал, кто такой Юрий Алексеевич Гагарин и кто такой я. (Улыбается.) Я его неоднократно встречал, мы даже разговаривали. Но для меня и всех нас он представлял такую величину, что я и предположить не мог однажды оказаться на его месте, вернее, на месте человека, взлетающего в космос. Быть похожим на него или непохожим — даже не обсуждалось.

А вот Владимир Михайлович Комаров для меня, можно сказать, кумир... Он был очень умным человеком и инженером и перед вторым своим полетом понимал, что отправляется на гибель. И мы были свидетелями того, как он это переносил. Владимир Комаров остается для меня примером и человека, и космонавта.

— 12 апреля 1961 года я запомнил очень хорошо. У нас в ракетной части шел рабочий день. Собирались, обсуждали, смотрели на реакцию старших офицеров. Один из опытных летчиков был озадачен — для него это было чрезвычайное дело. Так и сказал: «Хорошо, если он вернется».

М. А. Фарис, А. С. Викторенко, А. П. Александров
в скафандрах, 1986–1987 гг.

Экипаж СССР – Сирия: А. П. Александров,
А. С. Викторенко, М. А. Фарис, 1986–1987 гг.

Космос — это часть твоей жизни. Отдельно его уже не получается воспринимать — что ты, мол, побывал там, и все. Особенно вспоминаются последние месяцы и даже дни, когда уже вышел на финишную прямую. И то, как происходил полет, как возвращался к работе на Земле и снова готовился. Эти 10 лет, что провел в отряде, я потратил и на то, чтобы стать многостаночником. Тогда ведь многие из нас даже не готовились в экипажи, а просто поддерживали форму и набирались знаний. Я поработал инженером и в ЦУПе, и на космодроме Байконур. Это мне многое дало в собственных полетах. И поэтому тот период жизни для меня остался очень важным. Уже сейчас понимаю, что в те годы и к жизни стал относиться во многом по-другому.

Конечно, нельзя оторвать само пребывание на орбите от того, что этому предшествовало или последовало. Первый вопрос, который задают: «Что ты почувствовал?» Почувствовал, что ракета несет меня вверх! И это было величайшее достижение — и личное, и близких людей, товарищей, которые помогали мне. Первым делом, когда ушел обтекатель и засветило солнышко в иллюминатор, я посмотрел на Землю. Это я сделал тут же. (Улыбается.) Увидеть Землю с высоты 170 километров — незабываемо. И в принципе, полет в космос, особенно первый — это откровение. Тем более выход в открытый космос. Уверен: тот, кто не выходил, лишился многих впечатлений, потому что это совсем другой космос. Для меня оба моих полета — чрезвычайно важные события, и я счастлив, что судьба так удачно сложилась.

А что касается того, снится ли он мне... Космос снился мне даже... в космосе! Как будто мы с моим начальником в станции и летим на сты-

ковку с каким-то другим кораблем. Это было удивительно — они там, на Земле, а я в космосе, и мне снится космос!

— **«Когда ты в космосе — хочется на Землю, а когда на Земле — хочется быстрее в космос». Вы согласны с этим утверждением?**

— Понимаете, подготовка подготовкой, но в тот момент, когда ты видишь ракету, когда пора отправляться, на тебя ложится дополнительный груз ответственности. Оно на поверхности, это чувство. Конечно, тяжело летать. Особенно тяжело было нашему поколению — на станции «Салют-6» и «Салют-7». Летать сегодня и в те годы — разные вещи. Но мы рвались в полеты. Однако человек есть человек, и иногда приходит чувство тоски, какой-то тревожности по поводу близких — как они там? Не о себе — мы-то себя в этой «обычайке» станции чувствуем довольно спокойно. В крайнем случае всегда есть «шлюпка», и есть инструкции: в случае чего бежишь в корабль, закрываешь крышку люка, 10 секунд — и ты спасен.

Уже к концу полета разворачивается другая картина — людям не хочется уходить. Я помню, когда наши друзья, те, кто был с нами в экспедиции посещения, не хотели уходить, и мы понимали их. Мы и сами не хотели. Это было даже драматично — ты ведь не знаешь, вернешься или нет, повезет ли еще раз слетать в космос? Поэтому тот, кто летает, стремится, выполнив задание, вернуться на Землю, а тот, кто на Земле, стремится вернуться в космос. Это точно так.

— **Вы совершили два космических полета. Могли бы больше?**

— У меня мог быть и полет на «Шаттле». Там все складывалось удачно, но не получилось из-

за личных обстоятельств: сын оканчивал школу, и надо было решать, куда он пойдет дальше. А чтобы готовиться к полету, требовалось уехать на год в США. И я решил остаться.

— В 1983 году вы консультировали съемочную группу для фильма «Возвращение с орбиты» и даже проводили съемку с орбиты. Какое впечатление оставил у вас этот киношный опыт?

— Мы всегда считали, что космонавтика, особенно пилотируемая, обижена вниманием кинематографа. И я с удовольствием взялся за это дело. Фильм снимала киевская студия, они мне дали камеру «Конвас». Я снимал, и здесь, на Земле, проявляли пленку, смотрели, что у меня получается, немного учили операторскому мастерству. Был и на премьере, которая состоялась в кинотеатре «Украина» в Москве, рассказал, как мы делали фильм. Это было здорово, но для меня, сами понимаете, совсем небольшой опыт. Чем я действительно горжусь — во втором своем полете я уговорил сирийского космонавта приобрести маленькую видеокамеру (тогда, в 1987 году, это представляло трудность, а у него была возможность через свое посольство решить вопрос) и взять ее с собой на борт, впервые в истории космонавтики. Мы отсняли уйму материала — и я сам, и экипаж Викторенко, который улетел с Фарисом, и Юрий Романенко, и Муса Манаров с Володией Титовым, которые летали год, тоже успели снять на эту камеру много интересного.

Что касается художественных фильмов: наконец-то отечественные кинематографисты начали делать их более прилично.

«Время первых» — это фильм-история, хотя фабула, я бы сказал, спорная. Но пусть это останется на совести сценариста. Если про «Салют-7»: мы здесь, в Музее космонавтики, смотрели подряд два фильма — документальный, производства телестудии Роскосмоса («Битва за "Салют"»), и после этот новый, художественный. И Виктор Петрович Савиных был на премьере мрачнее тучи, но отметил, что документальный фильм, с комментариями главных героев и их съемка-

ми на предприятии, был хорош. Наверное, эта документальная лента немного смягчила впечатление от фильма «Салют-7». Виктора Благова, который всегда принимал участие в обсуждениях подобного рода картин и выступал в роли консультанта, выслушали, но почему-то ничему из его слов не последовали. В фильме оказались не то что огрехи, а просто вещи, которые неправильно показаны. Как может горящий корабль спускаться на Землю? Сейчас во главе угла — массовость, касса, сборы. Но не стоит этого делать с космическими фильмами.

— Знакомы ли вы с кем-то из нынешних космонавтов? Как вы считаете, отличаются ли они от вашего поколения?

— Я опасаясь сказать, что новое поколение космонавтов лучше нас, потому что и по природе, и по логике, и по философии оно должно быть лучше. Пилотируемая космонавтика изменилась, во многом — в самом подходе к полету. Сейчас уже 54-я экспедиция на МКС, а сколько их было всего за пятидесятилетний период! Я — космонавт № 55, а уже переваливает за 100. Корабль Гагарина был намного проще «Союза», а корабль «Союз» намного проще МКС по устройству. У нас сегодня есть такая градация космонавтов: пользователь, специалист и инструктор. Сегодняшние космонавты, может быть, это будет и в обиду для них сказано, выступают как пользователи, и это отражается на качестве работы. Мы не имеем широких возможностей для выполнения различных сложных экспериментов, и поэтому, наверное, и не проводим такую работу на станции. Тем более сегодня все экипажи совместные. И что сделает один наш специалист, даже если он подготовлен лучше, чем его коллеги? Эта схема диктует условия, в которых мы вынуждены работать. А нужно наоборот, как это было в наше время — задавать тему, задачу и под нее готовиться.

Эксперимент эксперименту рознь. Есть очень много мелких экспериментов или полуавтоматических, когда необходимо только кнопку нажать в начале и конце, они тоже считаются. Конечно, сейчас проводятся интересные опы-

— Есть градация космонавтов: пользователь, специалист и инструктор. Сегодняшний взгляд руководства Роскосмоса на будущее пилотируемой космонавтики заключается в необходимости отправлять на орбиту специалистов.

А. П. Александров с женой и дочерью на рыбалке, 1987 г.

ты, например всем известный «Плазменный кристалл» или эксперимент «Ураган» по наблюдению за чрезвычайными ситуациями. Современная техника, что есть на борту, — это колоссальное преимущество. В каких-то вещах, кстати, современные космонавты вполне преуспели, например отщелкать и привезти 5000 фотографий высокого разрешения какой-либо одной территории. Ученым лет на пять работы хватит. Это тоже важно. Но мы очень мало внимания уделяем астрофизическим экспериментам, практически не работаем с приборами, которые установлены на станции, и приборов в принципе очень мало. Это, я считаю, бич, с этим надо как-то справляться в перспективе. Сегодняшний взгляд руководства Роскосмоса на будущее пилотируемой космонавтики таков: необходимо отправлять на орбиту специалистов. Но для этого их нужно обучить, нужны научные программы, приборы на борту и, главное, твердое понимание — чего мы хотим? Нужны профили полетов, а получится ли это сделать в связке МКС, когда мы летаем вместе с НАСА и ЕКА, — неизвестно.

А. П. Александров на субботнике в МДМК, 25 апреля 1981 г.

А. П. Александров на тренировке в ЦПК имени Ю. А. Гагарина, май 1983 г.

— Как вы оцениваете современную российскую космическую программу? Так ли нужна нам заявленная база на Луне? Как вы относитесь к будущей и, похоже, неизбежной, «колонизации» Марса?

— Я считаю, что полеты в космос — и первый полет Гагарина, и эпохальные, по моему мнению, полеты на «Мире» — это события, которые обогащают нашу науку и практику, и поэтому без окололунной станции (пока станции!) нам все равно не обойтись. Ее придется строить, вместе или отдельно — неважно. Она нужна хотя бы для того, чтобы зондировать Луну перед постройкой базы. Человек не может жить без любопытства и исследований. Луна для нас остается большой загадкой — ведь вышло так, что мы слишком мало узнали о ней за все эти полеты, которые выполнили по программе «Аполлон». Надо возвращаться, и мы должны быть участниками этого. А впереди маячит — в хорошем смысле — Марс.

— Вы работали под началом Бориса Викторовича Раушенбаха. Можете назвать его своим учителем, наставником, старшим товарищем? Что особенного

было в этом человеке? Каким вам запомнился Сергей Павлович Королёв?

— Всего два года я работал на предприятии при Сергее Павловиче Королёве. А когда я впервые ступил в цех, меня встретил Борис Викторович Раушенбах. Взял за руку и отвел на рабочее место, где моим руководителем стал Олег Игоревич Бобков, который позже работал по «Бурану» и вообще многое сделал для предприятия.

А Борис Викторович был моим наставником в течение четырех лет, и я даже сейчас удивляюсь тому, что он мог найти время зайти ко мне и поговорить. Работы в его легендарном 27-м отделе — ориентации космических кораблей — было предостаточно. И там хоть с паяльником сиди, хоть теорией занимайся — все было очень интересно. С Борисом Викторовичем я встречался еще и на испытаниях первых станций, мы ездили в ЦУП в Евпаторию. Но больше всего он сделал для меня своими трудами, созданными за все время деятельности. Особенно мне помогла книга по системам ориентации космических кораблей — уже в работе космонавта.

— Луна до сих пор остается для нас загадкой. И окололунную базу, так или иначе, необходимо строить — в сотрудничестве или отдельно.

А.П. Александров, 2019 г. Фото Дмитрия Сушко

Сергей Павлович, конечно, со мной так близко не общался, как Борис Викторович. Но у него было такое правило: в преддверии праздников он обходил отделы, где работали знакомые ему люди, в частности заходил к тому же Раушенбаху или Чертоку. И даже в нашу лабораторию заглядывал и спрашивал — что у вас, как вы? Мы, естественно, стеснялись, а он ждал от нас простых житейских ответов. И это меня удивило тогда — что он так близок к простому народу. А чаще я его видел или на трибуне, или проходящим по коридорам — человеком, озачиненным своей тяжелойшей ношей.

— Что самое главное в космосе — дисциплина, юмор, профессиональные навыки? Ваш самый главный жизненный принцип?

— Для меня главное — профессионализм, он позволяет не потеряться. Вы называли дисциплину. Да, можно быть дисциплинированным, но если ничего не понимаешь в том, что происходит, дисциплина не поможет — ты

потеряешь возможность управлять ситуацией. И юмор тут тоже ни при чем — он хорош тогда, когда все более или менее в порядке. Поэтому профессионализм — прежде всего.

Я — за правдивость. Очень важно быть честным, справедливым, и необходимо постоянно задавать себе вопрос — ты мог бы справиться со своим желанием нечего сделать или ты действительно не видишь свою жизнь без его осуществления? Сейчас ведь, по справедливости сказать, есть множество специальностей, не менее уникальных и полезных, чем космонавтика. С возрастом начинаешь думать и о том, что происходит вокруг тебя. (Улыбается.) Честность, справедливость и правдивость — это главное, остальное должно прилагаться.

— Александр Павлович, большое спасибо за интервью!

© Фалилеев М.Н., 2020

История статьи:

Поступила в редакцию: 19.03.2020

Принята к публикации: 11.04.2020

Модератор: Гесс Л.А.

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Фалилеев М.Н. Космос Александрова // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 2. С. 108 – 115.